

<https://doi.org/10.70728/b.series.fil.v08.i09.036>

АББРЕВИАЦИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОДУКТИВНЫХ СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Хошимова Мадинабону Хакимжон кизи,
преподаватель Андиганского государственного
института иностранных языков, кафедры
теории русского языка и переводоведения
khoshimovamadina04@gmail.com
+998 90 222 48 78

Аннотация. В статье аббревиация рассматривается как один из наиболее активных способов образования и пополнения лексических единиц современного русского языка. Актуальность данной статьи обусловлена интенсивным распространением сокращённых номинаций в общественно-политической, административно-деловой, научно-технической, образовательной, экономической, медийной и интернет-коммуникации. Анализ аббревиации представляется в контексте общей тенденции к языковой экономии и компрессии номинативных единиц. Структурные типы современных аббревиатур и их лексикализация, грамматическая адаптация, расширение функциональных сфер, взаимодействие с заимствованием и способность аббревиатур выступать производящими основами при последующем словообразовании занимает особое место в данном исследовании. Рассматриваются инициальные, слоговые, слого-словные и смешанные образования, а также случаи формирования отаббревиатурных дериватов. Особое внимание уделяется усилению роли иноязычных аббревиатур и цифровой коммуникации, которые способствуют появлению новых моделей сокращения. В заключении делается вывод о системном характере аббревиации и её высокой деривационной активности в русском языке XXI века.

Ключевые слова: словообразование, аббревиация, аббревиатура, продуктивность, компрессивное словообразование, неологизация, лексикализация, отаббревиатурная деривация, языковая экономия, современный русский язык.

ABBREVIATION IN THE SYSTEM OF MODERN PRODUCTIVE WORD-FORMATION METHODS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article examines abbreviation as one of the most active means of forming and enriching the lexical inventory of the modern Russian language. The relevance of the study is determined by the intensive spread of abbreviated nominations in socio-political, administrative and business, scientific and technical, educational, economic, media, and Internet

communication. Abbreviation is analyzed in the context of the general tendency toward linguistic economy and the compression of nominative units. Particular attention is paid to the structural types of modern abbreviations, their lexicalization, grammatical adaptation, expansion of functional domains, interaction with borrowing, and their ability to serve as derivational bases for further word formation. Initial, syllabic, syllable-word, and mixed formations are considered, as well as cases involving the formation of derivatives from abbreviations. Special emphasis is placed on the growing role of foreign-language abbreviations and digital communication, which contribute to the emergence of new models of shortening. The article concludes that abbreviation is systemic in nature and demonstrates a high degree of derivational activity in twenty-first-century Russian.

Keywords: word formation, abbreviation, abbreviations, productivity, compressive word formation, neologization, lexicalization, abbreviation-based derivation, linguistic economy, modern Russian language.

RUS TILIDA SO‘Z YASASHNING ZAMONAVIY MAHSULDOR USULLARI TIZIMIDA ABBREVIATSIYA

Annotatsiya. Maqolada abbreviatsiya zamonaviy rus tilida leksik birliklarni hosil qilish va lug‘at tarkibini boyitishning eng faol usullaridan biri sifatida ko‘rib chiqiladi. Mazkur maqolaning dolzarbligi ijtimoiy-siyosiy, ma‘muriy-ish yuritish, ilmiy-texnik, ta‘lim, iqtisodiy, media va internet kommunikatsiyasida qisqartirilgan nominatsiyalarning jadal tarqalishi bilan belgilanadi. Abbreviatsiya tahlili til tejamkorligi va nominativ birliklarni kompressiyalashga bo‘lgan umumiy tendensiya kontekstida yoritiladi. Zamonaviy abbreviaturalarning strukturaviy turlari, ularning leksikallashuvi, grammatik moslashuvi, funksional qo‘llanish doirasining kengayishi, o‘zlashmalar bilan o‘zaro ta’siri hamda keyingi so‘z yasash jarayonida yasovchi asos vazifasida kelish qobiliyati ushbu tadqiqotda alohida o‘rin egallaydi. Initsial, bo‘g‘inli, bo‘g‘in-so‘zli va aralash shakldagi qisqartmalar, shuningdek, abbreviaturalardan yangi derivatlarning hosil bo‘lish holatlari ko‘rib chiqiladi. Yangi qisqartirish modellarining paydo bo‘lishiga xizmat qilayotgan xorijiy abbreviaturalar va raqamli kommunikatsiya rolining kuchayishiga alohida e’tibor qaratiladi. Xulosada abbreviatsiyaning tizimli xususiyatga ega ekanligi va XXI asr rus tilida uning yuqori derivatsion faolligi haqida xulosa chiqariladi.

Kalit so‘zlar: so‘z yasalishi, abbreviatsiya, abbreviatura, mahsuldorlik, kompressiv so‘z yasalishi, neologizatsiya, leksikallashuv, abbreviaturalardan derivatsiya, til tejamkorligi, zamonaviy rus tili.

Лексика и словообразовательная система современного русского языка характеризуется высокой динамичностью. Изменения общественной жизни, развитие информационных технологий, трансформация средств массовой коммуникации, расширение профессиональной терминологии, глобализация и интенсификация межъязыковых контактов создают постоянную потребность в номинации новых предметов, процессов, социальных институтов и явлений. Одновременно ускорение темпа коммуникации порождает потребность в кратких формах выражения. Вследствие

этого в современной лингвистической системе усиливается роль способов словопроизводства, которая позволяет свернуть развернутое наименование и представить его в сжатой форме. Е. А. Земская, в своих работах связывает компрессивное словообразование, с созданием номинативных единиц, которые отличаются более кратким формальным выражением при сохранении семантической соотнесённости с исходным словом или словосочетанием [1, с. 120]. В этом отношении аббревиация превращается в одно из наиболее последовательных воплощений принципа языковой экономии.

В академическом описании русского словообразования аббревиатуры определяются как существительные, образуемые на базе словосочетаний посредством сокращения составляющих их компонентов. В языкознании выделяются разные структурные разновидности аббревиатур, включая инициальные, образованные из начальных звуков или названий начальных букв, образования из начальных частей слов, смешанные модели, сочетания сокращённой части одного компонента с целым словом и ряд других типов [2, с. 252–255]. В свою очередь, аббревиация рассматривается как самостоятельный способ создания номинативных единиц, которые способны функционировать в языке на правах слова. Разграничение графического сокращения и собственно слова-аббревиатуры принципиально: *г.*, *стр.*, *т. е.*, *и т. д.* в обычном употреблении развёртываются при чтении, тогда как *вуз*, *загс*, *МИД*, *МГУ*, *ЖКХ*, *СМИ* обладают собственным языковым функционированием.

Активизация аббревиации тесно связана с общими динамическими процессами в русской деривационной системе. Е. А. Земская ещё при описании русского языка конца XX века обращала внимание на усиление продуктивности моделей, отвечающих потребности общества в создании кратких и информационно ёмких наименований [3, с. 90–141]. В современных исследованиях эта тенденция получает дальнейшее подтверждение. Н. А. Николина и Л. В. Рацибурская отмечают сохранение высокой продуктивности аббревиации и функционирование различных её структурных типов: инициального (*МКАД*, *МЦК*), слога-слового (*Госдума*, *Роснефть*), слогового (*Совбез*, *Газпром*) и смешанного (*ГИБДД*). При этом среди современных сокращений особенно заметную группу составляют инициальные аббревиатуры: *БД* — база данных, *КИМ* — контрольные измерительные материалы, *ОСАГО* — обязательное страхование автогражданской ответственности, *ЭЖ* — электронный журнал, *ЧОП* — частное охранное предприятие [8, с. 35–36].

Высокая продуктивность аббревиации объясняется прежде всего её функциональной эффективностью. Развёрнутые номинации типа *единый государственный экзамен*, *государственная информационная система*, *средства массовой информации*, *научно-исследовательский институт*, *искусственный интеллект* регулярно повторяются в коммуникации и оказываются неудобными при многократном употреблении. Сокращённые варианты *ЕГЭ*, *ГИС*, *СМИ*, *НИИ*, *ИИ* значительно уменьшают формальный объём сообщения. При этом после первоначального введения и расшифровки аббревиатура способна функционировать автономно, становясь для

носителя языка привычным знаком соответствующего понятия. Таким образом, сокращение не означает сокращения самого содержания: компактный комплекс букв или звуков способен актуализировать развернутую когнитивную структуру. Л. Ю. Касьянова связывает это свойство аббревиатур с высокой степенью их когнитивно-дискурсивной имплицитности, обусловленной стремлением передать содержание посредством минимального количества языковых средств [4, с. 34]. Современные исследования компрессивного словообразования также фиксируют высокую степень активности аббревиации [9, с. 394–395].

Однако принцип языковой экономии нельзя считать единственной причиной развития аббревиации. Существенны также номинативный, социальный, терминологический и прагматический факторы. В ряде сфер аббревиатура фактически становится основной формой существования термина или официального наименования. Так, единицы *ЕГЭ*, *ОГЭ*, *ФГОС* тесно связаны с образовательным дискурсом; *ВВП*, *НДС*, *ИП*, *ООО* — с экономической и деловой коммуникацией; *ПЦР*, *ДНК*, *РНК*, *ВИЧ* — с медицинской и биологической терминологией; *ИТ*, *ИИ*, *СМС*, *GPS*, *URL*, *PDF* — с информационно-технологической сферой. Некоторые сокращения настолько частотны, что развёрнутая форма употребляется преимущественно при необходимости официального определения понятия. Это свидетельствует о превращении аббревиатуры из вторичного технического обозначения в полноценную единицу языковой номинации.

Важным показателем словесного статуса аббревиатуры является её лексикализация. В процессе длительного употребления связь сокращения с исходным многословным наименованием может ослабевать, а сама аббревиатура начинает восприниматься как обычное слово. Классическими примерами являются *вуз* и *загс*. Для большинства носителей языка эти единицы уже не требуют мысленного развёртывания соответственно в *высшее учебное заведение* и *запись актов гражданского состояния*. Они приобрели фонетическую цельность, грамматические категории существительного и способность сочетаться с другими словами: *престижный вуз*, *поступить в вуз*, *вузовская система*; *районный загс*, *обратиться в загс*. Переход к написанию строчными буквами в подобных случаях является внешним свидетельством высокой степени лексикализации, хотя орфографическое оформление сокращений зависит от их типа, статуса и степени закреплённости в нормативной практике [10, с. 658–661]. Официальная академическая библиография отдельно фиксирует работу В. В. Лопатина, посвящённую связи словообразования и правописания аббревиатур.

Особенно показателен в этом отношении путь аббревиатуры *БОМЖ*, первоначально связанной с официальной формулой *без определённого места жительства*. В результате лексикализации возникло существительное *бомж*, обозначающее уже непосредственно лицо. В дальнейшем оно становится производящей базой целого ряда слов: *бомжиха*, *бомжевать*, *бомжевание*, *бомжовый*. Словообразовательная история этой единицы демонстрирует, что между первым актом аббревиации и дальнейшей деривацией возникает принципиально новая стадия: аббревиатура перестаёт быть конечным результатом сокращения и сама включается в систему русского словообразования как

мотивирующая основа. Н. Н. Сафонова относит такие образования, как *бомжиха*, *эсэмэска*, *антиспидовый*, *по-вузовски*, *пиарить*, к заметному пласту отаббревиатурной лексики современного русского языка [7, с. 144–149]. Исследователь подчёркивает, что способность сокращённых единиц выступать производящими основами проявилась достаточно рано и последовательно расширяется.

Аналогичный процесс наблюдается у заимствованной английской аббревиатуры *PR* — *public relations*. В русском языке она была не только заимствована, но и фонетически и графически адаптирована в форме *пиар*. В дальнейшем возникло разветвлённое словообразовательное гнездо: *пиарить*, *пиаририк*, *пиарищица*, *пиаровский*, *антипиар*, *контрпиар*, *пропиарить*, *распиарить*. Следовательно, иноязычная аббревиатура проходит несколько этапов интеграции: заимствование, фонетическая адаптация, лексикализация, морфологическое освоение, включение в русские аффиксальные модели. Н. А. Николина и Л. В. Рацибурская отмечают значительный деривационный потенциал основы *пиар*, вокруг которой сформировались многочисленные композиты, суффиксальные и префиксальные производные [8, с. 36]. Такая модель важна для понимания современного словообразования, поскольку показывает способность русской системы не только принимать иноязычные сокращения, но и активно перерабатывать их собственными морфологическими средствами.

Не менее характерным является образование *эсэмэска* от латинографической аббревиатуры *SMS*. Иностранная буквенная последовательность первоначально передаётся через русское буквенное произношение *эс-эм-эс*, после чего к фонетически освоенной основе присоединяется продуктивный суффикс *-к-*. В результате появляется существительное женского рода *эсэмэска*, свободно изменяющееся по падежам и числам: *получить эсэмэску*, *обмениваться эсэмэсками*. Подобный процесс иллюстрирует взаимодействие аббревиации и суффиксации. Сходный механизм наблюдается в разговорных и профессиональных образованиях, связанных с названиями технологий, организаций и коммуникативных практик. Для современного языка вообще характерно усиление комплексных способов словопроизводства, когда один деривационный процесс создаёт основу для другого. Аббревиация поэтому не изолирована от суффиксации, префиксации, сложения и семантической деривации, а входит с ними в системные отношения.

Особое значение для современного состояния аббревиации имеет интернет-коммуникация. Электронная письменность сочетает высокую скорость взаимодействия, стремление к краткости и интенсивное влияние англоязычных моделей. В результате сокращаться начинают не только терминологические словосочетания или названия учреждений, но и целые коммуникативные формулы. Н. А. Николина указывает на активизацию образований, производящей базой которых служат вводные сочетания и синтаксические конструкции: *ИМХО* от английского *in my humble opinion*, *BTW by the way*, *РМУТ Pardon my jumping in* [9, с. 400]. В интернет-речи подобная аббревиатура фактически заменяет реплику или модальный компонент высказывания, что в свою очередь расширяет границы аббревиации. Исходной единицей для компрессии

оказывается уже не только номинативное словосочетание, но и коммуникативная конструкция.

Русскоязычная цифровая коммуникация одновременно демонстрирует взаимодействие кириллической и латинской графики. Сокращения *PR*, *VIP*, *IT*, *SMS*, *PDF*, *QR*, *GPS* могут сохранять латинскую форму, транслитерироваться или подвергаться фонетической русификации. На этой основе возникают формы типа *пиар*, *айтишник*, *эсэмэска*. Таким образом, аббревиация становится одной из зон наиболее интенсивного контакта русского языка с английским. Однако этот контакт не следует понимать исключительно как пассивное заимствование. Напротив, способность образования войти в русскую словообразовательную парадигму свидетельствует о его глубокой адаптации. Например, наличие в употреблении форм *айтишник*, *айтишный* показывает, что английский инициальный комплекс *IT* получил русское звуковое представление *айти*, после чего стал сочетаться с русскими словообразовательными формантами. Сходным образом *пиар* допускает присоединение как русских суффиксов, так и префиксов. Такой материал важен для исследования границы между аббревиацией, заимствованием и гибридным словообразованием.

Изменяется и тематическая организация сокращённой лексики. В предыдущие исторические периоды высокая концентрация аббревиатур была особенно характерна для общественно-политической и административной сфер. В конце XX — начале XXI века резко расширился диапазон областей их употребления. Н. А. Николина и Л. В. Рацибурская указывают на формирование новых тематических групп, включающих названия политических объединений, средств массовой информации, банков, компаний, компьютерных технологий и единиц сетевого общения [8, с. 36]. Н. А. Николина подчёркивает, что современное компрессивное словообразование характеризуется не только ростом числа подобных единиц, но и расширением сфер их функционирования; аббревиатуры активно проникают в бытовую речь и интернет-коммуникацию [9, с. 400]. Следовательно, один из важнейших современных процессов заключается в стилистической мобильности аббревиатур: единицы, прежде ассоциировавшиеся преимущественно с официальной, профессиональной или терминологической речью, становятся элементами повседневного общения.

Такое расширение функциональной сферы непосредственно связано с изменением прагматики аббревиатур. Аббревиатура способна не только экономить языковые средства, но и маркировать принадлежность говорящего к определённой профессиональной, возрастной или социальной группе. Владение системой сокращений выступает показателем включённости коммуниканта в соответствующий дискурс. Единицы профессиональной коммуникации могут быть совершенно прозрачны для специалистов и одновременно непонятны человеку, находящемуся вне соответствующего сообщества. В молодёжной и интернет-среде сокращения дополнительно выполняют функцию групповой идентификации, поддерживают неформальный характер общения и позволяют создавать языковую игру. Поэтому значение аббревиатуры невозможно свести только к семантике исходного

словосочетания: в конкретном дискурсе она приобретает стилистические, оценочные и прагматические значения. Н. О. Светличная рассматривает формирование подобных значений и стилистических модификаций как существенную характеристику функционирования аббревиатур в различных типах коммуникации [5, с. 121–126].

Одновременно с функциональным расширением аббревиатур усиливаются процессы их грамматического освоения. Лексикализованная аббревиатура получает категорию рода, вступает в синтаксические связи, а в некоторых случаях склоняется. Род несклоняемых инициальных аббревиатур традиционно может зависеть от рода опорного слова расшифровки: например, *ООН* соотносится со словом *организация*. Однако по мере лексикализации на грамматическую характеристику всё активнее влияет внешняя фонетическая форма сокращения. Особенно хорошо это видно у аббревиатур, произносимых как обычные слова. Они адаптируются к существующим морфологическим моделям русского языка и постепенно утрачивают ощущение необычности. Поэтому современное исследование аббревиации необходимо вести на пересечении словообразования, морфологии, фонетики, орфографии и лексикологии.

С точки зрения деривационной теории особенно важно различать продуктивность собственно аббревиатурной модели и продуктивность последующего отаббревиатурного словообразования. В первом случае новое слово возникает посредством компрессии многокомпонентной номинации: *средства массовой информации* → *СМИ*; *высшее учебное заведение* → *вуз*; *единый государственный экзамен* → *ЕГЭ*. Во втором случае уже существующее сокращение выступает как производящая основа: *вуз* → *вузовский*; *бомж* → *бомжиха*; *пиар* → *пиарить*; *SMS* → *эсмэска*. Если первый процесс преимущественно реализует номинативно-компрессивную функцию, то второй подтверждает морфемное и лексическое освоение сокращения. Именно способность создавать новые производные позволяет говорить о полноценном включении многих аббревиатур в русскую словообразовательную систему.

Отаббревиатурная деривация одновременно показывает различную степень освоенности сокращений. Одни из них практически не допускают дальнейшего словопроизводства и сохраняют тесную связь с официальной расшифровкой. Другие быстро превращаются в активные производящие основы. Причинами могут быть высокая частотность, фонетическое удобство, семантическая актуальность обозначаемого понятия и включённость единицы в массовую коммуникацию. Так, у слова *пиар* возникло широкое деривационное окружение именно потому, что обозначаемая им сфера стала частью общественно-политического, рекламного и повседневного дискурса. Сафонова рассматривает отаббревиатурные лексемы как расширяющийся пласт современного русского словаря [7, с. 144–149]. Наблюдение принципиально важно: продуктивность аббревиации должна оцениваться не только по количеству новых сокращений, но и по дальнейшему словообразовательному потенциалу созданных единиц.

Вместе с тем активизация аббревиации порождает ряд коммуникативных проблем. Максимальная экономия формы одновременно увеличивает степень зависимости значения от контекста. Один и тот же буквенный комплекс потенциально может иметь

несколько расшифровок, особенно в разных профессиональных сферах. Для адресата, не обладающего необходимыми фоновыми знаниями, сокращение затрудняет восприятие текста вместо его облегчения. Поэтому функциональная эффективность аббревиатуры определяется балансом между краткостью и дешифруемостью. В научном и официально-деловом тексте устойчивой практикой является первоначальное употребление полного наименования с указанием сокращения в скобках и последующее использование аббревиатуры. В массовой и цифровой коммуникации такая расшифровка часто отсутствует, поскольку автор предполагает наличие у адресата необходимых знаний. Тем самым аббревиация выявляет одну из фундаментальных особенностей экономии языка: уменьшение объёма языковой формы возможно благодаря увеличению роли общего знания и контекста.

Неоднозначным остаётся вопрос и о границах самого понятия аббревиации. В различных лингвистических традициях по-разному устанавливается соотношение аббревиации, усечения, сложносокращённого словообразования, телескопии и графического сокращения. Академическая грамматика фиксирует несколько типов сложносокращённых существительных [2, с. 252–255], тогда как функционально-динамический подход позволяет рассматривать аббревиацию в более широкой системе компрессивных способов наряду с усечением, универбацией, сложением и субстантивацией. Н. А. Николина в исследовании 2024 года отмечает, что среди современных компрессивных процессов особенно продуктивны усечение, аббревиация и универбация, причём их развитие сопровождается расширением состава дериватов и сфер употребления [9, с. 394]. Это подтверждает необходимость рассматривать аббревиацию не изолированно, а в контексте конкуренции и взаимодействия нескольких способов словопроизводства.

Активность современной аббревиации обусловлена также характером номинации в информационном обществе. Многие новые реалии первоначально получают многословное терминологическое обозначение, поскольку требуется точно зафиксировать их классифицирующие признаки. Однако по мере закрепления понятия в общественном сознании возникает тенденция к сокращению его языкового обозначения. Поэтому аббревиатуру можно рассматривать как своеобразный индикатор социальной и коммуникативной актуальности понятия. Чем чаще необходимо воспроизводить развернутое наименование, тем выше вероятность появления и закрепления сокращённой формы. Так происходило с многочисленными названиями государственных органов, общественных организаций, образовательных процедур, технологий и медицинских понятий. Этот процесс особенно интенсивен в профессиональных подъязыках, откуда часть сокращений впоследствии переходит в общелитературное употребление.

Нельзя не учитывать и фактор медиатизации. Средства массовой информации обладают высокой скоростью реакции на новые социальные реалии и одновременно предъявляют жёсткие требования к компактности текста, особенно заголовка, информационного сообщения, бегущей строки и публикации в социальных сетях.

Аббревиатура в таких условиях оказывается функционально удобной. Впоследствии высокая повторяемость медийного сокращения способствует его запоминанию и распространению за пределами первоначальной сферы. Поэтому многие сокращения проходят путь от профессионального или официального обозначения к единице массового словаря. Этот механизм показывает, что современная словообразовательная продуктивность зависит не только от внутренних возможностей языка, но и от каналов коммуникации, обеспечивающих тиражирование новой модели.

При этом аббревиация демонстрирует характерное для современного русского словообразования взаимодействие системности и речевого творчества. С одной стороны, существуют устойчивые модели и правила построения сокращённых номинаций. С другой стороны, говорящий может создавать окказиональные сокращения, рассчитанные на конкретную коммуникативную ситуацию. Некоторые из них остаются единичными, другие благодаря высокой частотности переходят в узус. Е. А. Земская связывала активные процессы современного словопроизводства с реализацией потенциальных возможностей словообразовательной системы и потребностью говорящих создавать номинации в соответствии с изменениями действительности [11, с. 9–21]. В сфере аббревиации эта закономерность проявляется особенно наглядно, поскольку между индивидуальным сокращением и устойчивой лексической единицей существует широкий спектр переходных форм. Реальная продуктивность модели обнаруживается именно в способности воспроизводиться при обозначении новых явлений.

Важной современной тенденцией становится также ослабление жёсткой стилистической закреплённости сокращений. Если значительная часть аббревиатур XX века ассоциировалась с официально-деловым, административным или политическим дискурсом, то теперь сокращённые единицы свободно функционируют в разговорной речи, рекламе, социальных сетях, профессиональных чатах и художественных текстах. В результате аббревиатура приобретает способность выражать оценку, иронию, фамильярность или групповую принадлежность. В отдельных случаях исходная нейтральная единица становится основой стилистически окрашенного производного. Особенно хорошо это видно в отаббревиатурной деривации, где русский суффикс может одновременно выполнять словообразовательную и экспрессивную функцию. Поэтому современная аббревиация представляет интерес не только для морфемики и дериватологии, но и для стилистики, прагматики и социолингвистики.

Таким образом, место аббревиации среди продуктивных способов современного русского словообразования определяется целым комплексом факторов. Она обеспечивает максимальную формальную компрессию многословных номинаций, отвечает коммуникативной установке на экономию, оперативно реагирует на появление новых реалий и особенно активно функционирует в тех сферах, где высока частотность повторения сложных терминологических наименований. Современные исследования непосредственно фиксируют высокую активность аббревиации и её принадлежность к наиболее продуктивным компрессивным процессам [9, с. 394–395]. При этом развитие аббревиации сопровождается не только количественным ростом сокращений, но и

качественными изменениями: расширяются их структурные и тематические типы, усиливается влияние иноязычного материала, возрастает роль интернет-коммуникации, происходит лексикализация и морфологическая адаптация сокращённых единиц.

Наиболее существенным свидетельством системной интеграции аббревиатур является их способность выступать базой дальнейшего словообразования. Цепочки *вуз* → *вузовский*; *БОМЖ* → *бомж* → *бомжиха* / *бомжевать*; *PR* → *пиар* → *пиарить* / *пиарщик* / *антипиар*; *SMS* → *эсмэска* показывают, что сокращение способно приобрести признаки полноценной производящей основы. Это позволяет трактовать современную аббревиацию не только как операцию уменьшения формы исходного словосочетания, но и как важный механизм обновления словообразовательных ресурсов русского языка. Её продуктивность проявляется одновременно на нескольких уровнях: в создании новых номинаций, в расширении лексико-семантических групп, в формировании новых словообразовательных гнезд и в интеграции иноязычных элементов в русскую морфологическую систему.

В перспективе дальнейшее исследование аббревиации требует систематического анализа материала электронных корпусов, сетевой коммуникации, массмедиа и профессиональных дискурсов. Особое значение имеет сопоставление частотности отдельных моделей на разных временных срезах, поскольку понятие продуктивности предполагает не просто наличие определённого способа в языке, а его способность регулярно создавать новые единицы. Не менее перспективно изучение взаимодействия аббревиации с суффиксацией, префиксацией и словосложением, а также исследование процессов лексикализации и перехода аббревиатур из терминологической сферы в общеупотребительную лексику. Совокупность рассмотренных фактов позволяет утверждать, что в русском языке XXI века аббревиация является не периферийным техническим приёмом сокращения, а одним из активно развивающихся механизмов номинации и словообразования, отражающих одновременно внутренние закономерности языковой системы и важнейшие изменения современной коммуникативной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М.: Наука, 1981. — 276 с. Библиографические сведения о книге подтверждаются каталогами и перечнем трудов Е. А. Земской.
2. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — 783 с.
3. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. — М.: Языки русской культуры, 1996. — С. 90–141.
4. Касьянова Л. Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX — начала XXI века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Астрахань, 2009. — 48 с.

5. Светличная Н. О. Лингвопрагматические свойства аббревиации и деаббревиации в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2008. — № 1 (1). Ч. II. — С. 121–126.
6. Зеленин А. В. Деаббревиация в русском языке // Вопросы языкознания. — 2005. — № 1. — С. 78–97.
7. Сафонова Н. Н. Лексемы отаббревиатурного происхождения в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. — 2007. — № 1. — С. 144–149.
8. Николина Н. А., Рацибурская Л. В. Современное русское словообразование: функционально-динамический аспект: учебное пособие. — М.: ФЛИНТА, 2023. — 176 с.
9. Николина Н. А. Тенденции развития компрессивного словообразования в современном русском языке // Русистика. — 2024. — Т. 22. — № 3. — С. 392–405. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-392-405.
10. Лопатин В. В. Словообразование и орфография. К правописанию аббревиатур // Многогранное русское слово: избранные статьи по русскому языку. — М.: Азбуковник, 2007. — С. 658–661.
11. Земская Е. А. Активные процессы в русском словообразовании нашего времени // Acta Neophilologica. — 2006. — № 8. — С. 9–21.